

Песнь о Гайавате

Автор:

Генри Лонгфелло

Песнь о Гайавате

Генри Уодсуорт Лонгфелло

«Песнь о Гайавате» – эпическая поэма талантливого американского поэта Генри Уодсуорта Лонгфелло (англ. Henry Wadsworth Longfellow, 1807 – 1882).*** «Песнь о Гайавате» – подлинный памятник американской литературы, сюжет которого основан на индейских легендах. Особенностью поэмы стало то, что ее стихотворный размер позаимствован из "Калевалы". В книгу входят восемь произведений, в которых автор описывает тяжелую жизнь темнокожих рабов. Это вклад поэта в американское движение за отмену рабства. Уже при жизни Генри Лонгфелло пользовался большой популярностью среди читателей. Он известен не только как поэт, но и как переводчик, особенно удачным является его перевод «Божественной комедии» Данте.

Генри Лонгфелло

Песнь о Гайавате

Перевод И. Бунина

ВСТУПЛЕНИЕ

Если спросите – откуда

Эти сказки и легенды

С их лесным благоуханьем,

Влажной свежестью долины,

Голубым дымком вигвамов,

Шумом рек и водопадов,

Шумом, диким и стозвучным,

Как в горах раскаты грома? —

Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,

От озер Страны Полночной,

Из страны Оджибуэев,

Из страны Дакотов диких,

С гор и тундр, с болотных топей,

Где среди осоки бродит

Цапля сизая, Шух-шух-га.

Повторяю эти сказки,

Эти старые преданья

По напевам сладкозвучным

Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,

Где нашел их Навадага, —

Я скажу вам, я отвечу:

«В гнездах певчих птиц, по рощам,

На прудах, в норах бобровых,

На лугах, в следах бизонов,

На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались

На болотах и на топях,

В тундрах севера печальных:

Читовэйк, зук, там пел их,

Манг, нырок, гусь дикий, Вава,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:

«Кто же этот Навадага?

Расскажи про Навадагу», —

Я тотчас бы вам ответил

На вопрос такую речью:

«Средь долины Тавазэнта,

В тишине лугов зеленых,

У излучистых потоков,

Жил когда-то Навадага.

Вкруг индейского селенья

Расстилались нивы, доли,

А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый – летом,
Белый – в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их – весной,
По ольхам серебристым – летом,
По туману – в день осенний,
По руслу – зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, —
О его рожденье дивном
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,

В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, —
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, —

Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце

Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, —
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На запущенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры, —
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

ТРУБКА МИРА

На горах Большой Равнины,
На вершине Красных Камней,
Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий,
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отсюда.

От следов его струилась,
Трепетала в блеске утра
Речка, в пропасти срываясь,
Ишкудой, огнем, сверкая.
И перстом Владыка Жизни
Начертал ей по долине
Путь излучистый, сказавши:
«Вот твой путь отныне будет!»

От утеса взявши камень,
Он слепил из камня трубку
И на ней фигуры сделал.
Над рекою, у побережья,
На чубук тростинку вырвал,
Всю в зеленых, длинных листьях;
Трубку он набил корою,
Красной ивовой корою,
Идохнул на лес соседний,

От дыханья ветви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Ярким пламенем зажглися;
И, на горных высях стоя,
Закурил Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Все народы к совещанью.

Дым струился тихо, тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде – темною полоской,
После – гуще, синим паром,
Забелел в лугах клубами,
Как зимой вершины леса,
Плыл все выше, выше, выше, —
Наконец коснулся неба
И волнами в сводах неба
Раскатился над землею.

Из долины Тавазэнта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От Скалистых Гор далеких,
От озер Страны Полночной
Все народы увидали

Отдаленный дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира.

И пророки всех народов
Говорили: «То Поквана!
Этим дымом отдаленным,
Что сгибается, как ива,
Как рука, кивает, манит,
Гитчи Манито могучий
Племена людей сзывает,
На совет зовет народы».

Вдоль потоков, по равнинам,
Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Черноногие и Поны,
Оджибвеи и Дакоты —
Шли к горам Большой Равнины,
Пред лицо Владыки Жизни.

И в доспехах, в ярких красках, —
Словно осенью деревья,
Словно небо на рассвете, —

Собрались они в долине,
Дико глядя друг на друга.
В их очах – смертельный вызов,
В их сердцах – вражда глухая,
Вековая жажда мщенья —
Роковой завет от предков.

Гитчи Манито всеильный,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участием,
С отчей жалостью, с любовью, —
Поглядел на гнев их лютый,
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.

Он простер к ним сень десницы,
Чтоб смягчить их нрав упорный,
Чтоб смирить их пыл безумный
Мановением десницы.

И величественный голос,
Голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов,
Прозвучал ко всем народам,
Говоря: «О дети, дети!
Слову мудрости внимлите,
Слову кроткого совета

От того, кто всех вас создал!

Дал я земли для охоты,

Дал для рыбной ловли воды,

Дал медведя и бизона,

Дал оленя и косулю,

Дал бобра вам и казарку;

Я наполнил реки рыбой,

А болота – дикой птицей:

Что ж ходить вас заставляет

На охоту друг за другом?

Я устал от ваших распрей,

Я устал от ваших споров,

От борьбы кровопролитной,

От молитв о кровной мести.

Ваша сила – лишь в согласье,

А бессилие – в разладе.

Примиритесь, о дети!

Будьте братьями друг другу!

И придет Пророк на землю

И укажет путь к спасенью;

Он наставником вам будет,

Будет жить, трудиться с вами.

Всем его советам мудрым

Вы должны внимать покорно —

И умножатся все роды,

И настанут годы счастья.

Если ж будете вы глухи, —

Вы погибнете в раздорах!

Погрузитесь в эту реку,

Смойте краски боевые,

Смойте с пальцев пятна крови;

Закопайте в землю луки,

Трубки сделайте из камня,

Тростников для них нарвите,

Ярко перьями украсьте,

Закурите Трубку Мира

И живите впредь как братья!»

Так сказал Владыка Жизни.

И все воины на землю

Тотчас кинули доспехи,

Сияли все свои одежды,

Смело бросились в реку,

Смыли краски боевые.

Светлой, чистою волною

Выше их вода лилася —

От следов Владыки Жизни.

Мутной, красною волною

Ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые,
Вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли,
Погребли в земле доспехи.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
Встретил воинов улыбкой.

И в молчанье все народы
Трубки сделали из камня,
Тростников для них нарвали,
Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный —
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Йокваны, Трубки Мира.

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА

«Слава, слава, Мэджекивис!» —

Старцы, воины кричали

В день, когда он возвратился

И принес Священный Вампум

Из далеких стран Вабассо —

Царства кролика седого,

Царства Северного Ветра.

У Великого Медведя

Он украл Священный Вампум,

С толстой шеи Мише-Моквы,

Пред которым трепетали

Все народы, снял он Вампум

В час, когда на горных высях

Спал медведь, тяжелый, грузный,

Как утес, обросший мохом,

Серым мохом в бурых пятнах.

Тихо он к нему подкрался,

Так подкрался осторожно,

Что его почти касались

Когти красные медведя,

А горячее дыханье

Обдавало жаром руки.

Осторожно снял он Вампум

По ушам, по длинной морде

Исполина Мише-Моквы;

Ничего не услышали

Уши круглые медведя,

Ничего не разглядели

Глазки сонные – и только

Из ноздрей его дыханье

Обдавало жаром руки.

Кончив, палицей взмахнул он,

Крикнул громко и протяжно

И ударил Мише-Мокву

В середину лба с размаху,

Между глаз ударил прямо!

Словно громом оглушенный,

Приподнялся Мише-Моква,

Но едва вперед подался,

Затряслись его колени,

И со стоном, как старуха,

Сел на землю Мише-Моква.

А могучий Мэджекнвис

Перед ним стоял без страха,

Над врагом смеялся громко,

Говорил с пренебреженьем:

«О медведь! Ты – Шогодайя!

Всюду хвастался ты силой,
А как баба, как старуха,
Застонал, завыл от боли.
Трус! Давно уже друг с другом
Племена враждуют наши,
Но теперь ты убедился,
Кто бесстрашней и сильнее.
Уходите прочь с дороги,
Прячьтесь в горы, в лес скрывайтесь!
Если б ты меня осилил,
Я б не крикнул, умирая,
Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Как трусливая старуха,
Как презренный Шогодайя».

Кончив, палицей взмахнул он,
Вновь ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
И, как лед под рыболовом,
Треснул череп под ударом.
Так убит был Мише-Моква,
Так погиб Медведь Великий,
Страх и ужас всех народов.

«Слава, слава, Мэджекивис! —

Восклицал народ в восторге. —

Слава, слава, Мэджекивис!

Пусть отныне и вовеки

Ветром Запада он будет,

Властелином над ветрами!»

И могучий Мэджекивис

Стал владыкой над ветрами.

Ветер Западный оставил

Он себе, другие отдал

Детям: Вебону – Восточный,

Шавондази – теплый Южный,

А Полночный Ветер дикий

Злому дал Кабибонокке.

Молод и прекрасен Вебон!

Это он приносит утро

И серебряные стрелы

Сыплет, сумрак прогоняя,

По холмам и по долинам;

Это Вебона ланиты

На заре горят багрянцем,

А призывный голос будит

И охотника и зверя.

Одинок на небе Вебон!

Для него все птицы пели,

Для него цветы в долинах
Разливали сладкий запах,
Для него шумели реки,
Рощи темные вздыхали,
Но всегда был грустен Вебон;
Одинок он был на небе.

Утром раз, на землю глядя,
В час, когда спала деревня
И туман, как привиденье,
Над рекой блуждал, белея,
Он увидел, что в долине
Ходит дева - собирает
Камыши и длинный шпажник
Над рекою по долине.

С той поры, на землю глядя,
Только очи голубые
Видал Вебон на рассвете:
Как два озера лазурных,
На него они смотрели,
И задумчивую деву,
Что к нему стремилась сердцем,
Полюбил прекрасный Вебон:
Оба были одиноки,
На земле - она, он - в небе.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солнца,
Нежил вкрадчивую речью,
Тихим вздохом, тихой песней,
Тихим шепотом деревьев,
Ароматом белых лилий.
К сердцу милую привлек он,
Ярким пурпуром окутал —
И она затрепетала
На груди его звездою.
Так доныне неразлучно
В небесах они проходят:
Вебон, рядом Вебон-Аннонг —
Вебон и Звезда Рассвета.

В ледяных горах, в пустыне,
В царстве кролика, Вабассо,
В царстве вечной снежной вьюги,
Обитая Кабибонокка.
Это он осенней ночью
Разрисовывает листья
Краской желтой и багряной,
Это он приносит вьюги,
По лесам шипит и свищет,
Покрывает льдом озера,

Гонит чаек острокрылых,
Гонит цаплю и баклана
В камыши, в морские бухты,
В гнезда их на теплом юге.

Вышел раз Кабибонокка
Из своих чертогов снежных
Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим, белым тундрам.
И, осыпанные снегом,
Волоса его – рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились.

В тростниках, среди осоки,
На замерзших, белых тундрах
Жил там Шингебис, морянка.
Одиноко в белых тундрах
Проводил он зиму эту:
Братья Шингебиса были
В теплых странах Шавондази.

И вскричал Кабибонокка
В лютом гневе: «Кто дерзает
Презирать Кабибонокку?»

Кто осмелился остаться
В царстве Северного Ветра,
Если Вава и Шух-шух-га,
Если дикий гусь и цапля
Уж давно на юг умчались?
Я пойду к его вигваму,
Я очаг его разрушу!»

И пришел во мраке ночи
Ко врагу Кабибонокка.
Он намел сугробы снега,
Завывал в трубе вигвама,
Потрясал его свирепю,
Рвал дверные занавески.
Шингебис не испугался,
Шингебис его не слушал!
В очаге его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ел он с песнями и смехом.
Ворвался тогда в жилище
Дикий, злой Кабибонокка;
Шингебис, от стужи вздрогнул
В ледяном его дыханье,
Но по-прежнему смеялся,
Но по-прежнему пел громко;

Он костер поправил только,
Чтоб костер горел светлее,
Чтоб кидало пламя искры.

И с чела Кабибонокки,
С кос его в снегу холодном
Стали падать капли пота,
Как весною каплет с крыши
Иль с ветвей болиголова.

Побежденный этим жаром,
Раздраженный этим пеньем,
Он вскочил и из вигвама
В поле бросился, шагая
По рекам и по озерам:
На борьбу над белой тундрой
Вызывал врага коварно.

Но без страха, без боязни
Вышел Шингебис на битву;
До рассвета он боролся
С Ветром Северным над тундрой,
До утра когтями бился
Шингебис с Кабибоноккой.

И без сил Кабибонокка
Отступил в свои, владенья,
Со стыдом бежал по тундрам

В царство кролика, Вабассо,

А за ним все раздавались

Хохот, песни и насмешки.

Шавондази, тучный, сонный,

Обитал на дальнем юге,

Где в дремотном блеске солнца

Круглый год царило лето.

Это он шлет птиц весной,

Шлет к нам ласточку, шлет Шошо,

Шлет Овейсу, трясогузку,

Опечи шлет, реполова,

Гуся, Ваву, шлет на север,

Шлет табак душистый, дыни,

Виноград в багряных гроздьях.

Дым из трубки Шавондази

Небеса туманит паром,

Наполняет негой воздух.

Тусклый блеск дает озерам,

Очертанья гор смягчает,

Веет нежной лаской лета

В теплый Месяц Светлой Ночи,

В Месяц Лыж зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!

Лишь одно узнал он горе,
Лишь одну печаль изведал.
Раз, смотря на север с юга,
Далеко в степных равнинах
Он увидел утром деву,
Деву с гибким, стройным станом,
Одинокую в равнинах.
Был на ней наряд зеленый,
И как солнце были косы.

День за днем потом смотрел он,
День за днем вздыхал он страстно,
День за днем все больше сердце
Разгоралось в нем любовью
К деве нежной, златокудрой.
Но ленив и неподвижен
Был беспечный Шавондази,
Да, ленив и слишком тучен:
К милой он пойти все медлил,
Он сидел, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой девой прерий.

Наконец однажды утром
Увидал он, что поблекли
Кудри русые у милой, —

Словно первый снег, белеют.

«О мой брат из Стран Полночных,

Из далеких стран Вабассо,

Царства Северного Ветра!

Ты украл мою невесту,

Завладел моею милой,

Обольстил ее своею

Сказкой Северного Ветра!»

Так несчастный Шавондази,

«Изливал свои страданья,

И бродил в равнинах знойный

Южный Ветер, полный вздохов,

Страстных вздохов Шавондази.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/longfello_genri/pesn-o-gayavate

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)